

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье ставится проблема расширения концептуального пространства трансформационных процессов в современных условиях турбулентности в социально-экономической сфере, ощущаемой по всему миру. Выделяются два источника обострения этой турбулентности. Во-первых, это новый рывок научно-технического прогресса, в результате которого был нарушен закон техно-гуманитарного баланса, согласно которому для устойчивого развития общества требуется соответствие уровня культурно-психологической регуляции социальных отношений состоянию технологического потенциала. Второй источник турбулентности — продолжающийся во многих странах процесс постсоциалистической трансформации. Объяснение этих процессов не вписывается в линейные схемы гибридных режимов. Аджемоглу/Робинсон, с одной стороны, и Мадьяр/Мадлович — с другой предложили плоскостные схемы анализа концептуальных пространств. Однако треугольная схема Мадьяра/Мадловича ограничивается областью европейских постсоциалистических стран, а один из Левиафанов Аджемоглу/Робинсона недостаточно корректно вписан в их схему. В статье предлагается четырёхугольная схема пространства трансформационных процессов, в которой находится место и для упущенных в треугольных схемах вариантов развития.

Ключевые слова: *техно-гуманитарный баланс, трансформационные процессы, институциональная система, постсоциалистическое развитие, современное государство.*

JEL: A10, A12, A13, B15, B52

УДК: 303.022, 303.093.3

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_68_85

© Н.М. Плискевич, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Плискевич Н.М.* Концептуальное пространство исследования трансформационных процессов // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 68–85. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_68_85.

FOR CITATION: *Pliskevich N.* Conceptual Space for Researching of the Transformation Processes // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 68–85. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_68_85.

Научно-технический прогресс и рост неопределённости социально-экономического развития

Как уже бывало в истории предшествующих технологических прорывов, новый этап научно-технического развития человечества сопровождается усилением социальной турбулентности, свидетельства которой в последние десятилетия проявлялись в самых разных точках нашей планеты. Они вновь и вновь подтверждают важность следования требованиям сформулированному философами закону техно-гуманитарного баланса. Согласно этому закону, устойчивость развития достигается при соответствии уровня культурно-психологической регуляции социальных отношений состоянию имеющегося технологического потенциала [Назаретян, 2017].

При этом важно, что культурно-психологический потенциал общества включает в себя не только (и не столько) инструментальные знания, необходимые для работы с новыми механизмами и технологиями, наращиванием которых, естественно, в первую очередь озабочены те, кто проводит в жизнь результаты новых научно-технических достижений. Однако очень часто они забывают о другом компоненте культурно-психологического потенциала — общем уровне культуры, и особенно общегуманитарной¹. Достижение техно-гуманитарного баланса требует соответствия новым технологическим условиям изменений и в механизмах социальной регуляции, в том числе институциональной структуры общества, которую необходимо корректировать. В новой ситуации требуются и новые механизмы социальной регуляции для поддержания устойчивости общества в изменившихся условиях. Но поиск их труден, сопряжён и с ошибками, и с просчётами.

Сама сложность идущих процессов предполагает неопределённость результатов предпринимаемых действий. Ведь неопределённость, с одной стороны, чревата нестабильностью и даже хаосом, но с другой — это неизбежный элемент развития. «Действие — это изменение, а изменение — временная последовательность... Действие должно делать выбор и справляться с неопределённым будущим» [Мизес, 2024. С. 237]. Л. фон Мизес также отмечал: «Неопределённость будущего уже подразумевается самим понятием деятельности» [Там же. С. 99]. А Ф. фон Хайек пишет, что даже в развитых странах «закон может устранить только некоторые источники неопределённости... Ограничивая область допустимых действий, закон открывает каждому возможность эффективного сотрудничества с другими, но не гарантирует этого. Правила поведения, одинаково ограничивающие свободу каждого, чтобы тем самым гарантировать равную свободу всем, могут лишь сделать возможными договорённости с другими» [Хайек, 2024. С. 29]. Более того, «попытка устранить всякую неопределённость была бы пагубной» [Там же].

О такой по сути ложной политике поддержания стабильности ценой избегания деятельности, а по сути — развития, хотя и чреватого неопределённостью, пишет и Д. Норт: «В мире неопределённости комфортность может обойтись очень дорого. В долгосрочной перспективе она приводит к стагнации и упадку, так как людям приходится сталкиваться с всё новыми вызовами в неэргодичном мире. Последний требует инновационных институциональных идей, поскольку никто не знает правильного пути к выживанию. Поэтому институциональное разнообразие, которое открывает возможность для различных решений, является характеристикой, которая помогает выжить» [Норт, 2010. С. 70]².

Отмечу в связи с этим, что Дж. Мокир в завершение своего историко-экономического анализа пути, проделанного различными странами, стремившимися к экономическому прогрессу, особо подчёркивает, что Запад обязан своими успехами прежде всего не капитализму, не науке, не географическому положению или историческим случайностям. Его «непрерывно изменяющаяся мозаика технологических креативных обществ возникла

¹ А.Алесина и П.Джулиано особо акцентируют внимание на том, что современные исследования показывают: «переменные, отражающие культуру, определяют многие экономические решения — они даже влияют на скорость развития и богатство народов» [Алесина, Джулиано, 2016. С. 82]. Эти авторы даже отождествляют неформальные институты с культурой.

² Об опасности приостановки модернизационных процессов как реакции на возникающую неопределённость пишет и Н.И.Лапин, под руководством которого проходило (и продолжается до сих пор) многолетнее мониторинговое исследование социоэкономических и социокультурных процессов модернизации регионов современной России. Он подчёркивал, что модернизация — «комплексный процесс, игнорирование которого или противодействие ему в той или иной стране сопровождается её стагнацией или отставанием от других стран, рецессией или даже гибелью. Поэтому модернизация жизненно важна для каждого человека, каждого социокультурного сообщества. Она имеет две основные функции: обеспечение безопасности общества (страны) и повышение благополучия, качества жизни людей, всего населения» [Лапин, 2016. С. 15].

благодаря политическому и ментальному разнообразию» [Мокир, 2014. С. 472]. А лучшая почва для достижения такого разнообразия — постоянный углублённый диалог по всем жизненно важным для развития общества проблемам. И в ходе такого диалога, как показывает исторический опыт, удавалось нащупывать компромиссные решения, которые если и не удовлетворяли полностью всех участников диалога, но позволяли находить точки соприкосновения, сглаживать «острые углы», и давали возможность мирно сосуществовать не только в экономической, но и в политической сфере, а как известно «политические рынки глубоко несовершенны» [Норт, 2010. С. 87].

Ещё более неопределённым оказывается выбор тех или иных действий, если к политическим и социально-экономическим факторам добавляется фактор культуры, сложившихся в тех или иных сообществах ценностей и убеждений. Поэтому, пишет Норт: «То, каким образом развиваются представления и убеждения → институты → организации → государства с вытекающими из этого процесса результатами, может вести как к беспрецедентному экономическому процветанию, так и к бесконечным катастрофам и несчастьям» [Норт, 2010. С. 223].

На современном этапе развития нарушения техно-гуманитарного баланса возрастают до такого уровня потенциальных угроз, которых ранее не знало человечество. Они связаны с изменениями, произошедшими в мире в последние десятилетия, сделав его глобальным. Не только резко изменились скорости распространения инноваций по всему миру, но и возросли риски от их непродуманного (или злонамеренного) применения в неподготовленной для их разумного использования социальной среде. Если ранее нарушения техно-гуманитарного баланса грозили причинить ущерб лишь более или менее ограниченному локальным сообществам (что также само по себе бывало трагично), то ныне локальный сбой может быть чреват глобальной катастрофой. Поэтому столь важен анализ социокультурных аспектов модернизационных процессов, идущих сегодня во всём мире, проблемы соответствия уровню новых технологий социальных регуляторов, институциональных систем, требованиям техно-гуманитарного баланса.

Для целого ряда стран, в том числе и для России, на турбулентность, вызванную его нарушением и необходимостью связанной с новой ситуацией социальной модернизацией, наложилась турбулентность, вызванная постсоциалистической трансформацией. Практика прошедших десятилетий показала, что путь постсоциалистической трансформации сложен. Сам процесс перехода от административно-командной экономики и политического авторитаризма к рыночной экономике и демократической форме организации общественно-политической жизни невозможно ограничивать лишь политической декларацией. Этот переход требует длительных глубоких преобразований всей институциональной структуры общества, включая и неформальные отношения, нередко связанные не с культурными традициями, а с выработанными в социалистический период способами выживания. Не случайно в ходе многолетних исследований Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечали особую роль в ценностном мире населения постсоциалистических стран ценности выживания (см., например, [Инглхарт, Вельцель, 2011. С. 99]). И процесс избавления от этого наследия может растянуться не на одно десятилетие, особенно в случаях смен «векторов развития», осуществляемых с приходом к власти тех или иных «промежуточных выгодоприобретателей» [Hellman, 1998], пытающихся законсервировать эволюцию общественного переустройства в выгодной для них точке или даже осуществить регрессивное движение. Свою роль играет и длительность предшествующего периода движения по социалистическому пути. И успех реформ во многом связан с тем, насколько внимательно проводящие их реформаторы будут относиться не только к проблемам чисто инструментальным (транзита как технологических достижений, так и соответствующих им институциональных форм), но и к теме социокультурной — поиску тех вариантов институциональных изменений, которые общество сможет воспринять на данном этапе развития, одновременно видя перед собой перспективу

эволюции, соответствующей потребностям технологического развития, а также к проблемам социокультурного обоснования изменений, диктуемых технологическими потребностями, сознательно формируя систему «промежуточных институтов» [Полтерович, 2007].

Примером пристального внимания к этим проблемам может служить Китай, хотя о модернизационных процессах там обычно говорят, акцентируя внимание на технологических успехах страны и существенном экономическом росте, восприятии инноваций из других стран и развитии собственных научно-технических разработок. Однако нельзя не отметить, что китайские учёные все эти годы подходили к теме модернизации и как к социокультурному процессу, подчёркивая при этом его глобальный характер. Так, под руководством директора Центра исследований модернизации Китайской академии наук Хэ Чуаньци группой исследования стратегий модернизации этого Центра ещё в 2000-х гг. готовились ежегодные Доклады о модернизации в Китае. В них учёные концентрировали внимание на процессах социальной эволюции человечества и на том, как эти процессы развиваются в современном Китае. Они подчёркивали: «Всемирная модернизация является международным соревнованием, участницей которого становится каждая страна, начинающая этот процесс. Для каждой страны предпочтительнее узнать, понять, изучить мир и взаимодействовать с ним» [Обзорный доклад..., 2011. С. 50]. При этом модернизация — и всемирный тренд, и сознательный выбор. «Кто-то просто принимает её как данность, а кто-то целенаправленно идёт по пути модернизации — и скорость процесса в этих случаях будет неравной» [Там же. С. 34]. И констатируя, что «модернизация в Китае является не спонтанной, а целенаправленной» [Там же. С. 244], авторы докладов видят в этом процессе не только изменения в технологиях, в жизни и социальной структуре, но и «модернизацию систем и мысли», что для экономики знаний «является ещё более важной задачей» [Там же. С. 246]³. При этом для Китая как страны «догоняющего развития» была разработана концепция двух стадий модернизации — первичной, включающей индустриализацию, урбанизацию, а также решение социальных проблем населения, и вторичной как формирование информационного, наукоёмкого общества, готового к инновациям, создание условий для развития и самореализации личности, улучшения качества жизни. При этом предполагалось, что элементы как первичной, так и вторичной модернизации могут развиваться параллельно, в зависимости от конкретных условий каждого региона страны. И предпочтительным считался именно такой путь интегрированной модернизации. Сам процесс модернизационных изменений ежегодно оценивался в рамках комплекса специально разработанных для этого индексов.

Отмечалось также, что путь модернизации противоречив, ему присущи и асинхронность процесса, и пространственная неравномерность, и структурная нестабильность, и изменимость статуса любой из стран на общемировой модернизационной шкале. В частности, согласно расчётам китайских ученых, тенденции вероятностей изменения статусов стран мира, обозначаемых как низкий, предварительный, средний и высокий уровень модернизации, зафиксированные в середине 2000-х гг., могут изменяться (рис. 1). Порядка 80% развитых регионов Европы и Азии останутся на высоком уровне модернизации, около 70% среднеразвитых регионов также останутся таковыми. При этом у 20% высокоразвитых регионов статус может снизиться, а 20% среднеразвитых, наоборот, повысят свой статус, хотя у 10% из группы среднеразвитых он понизится. И среди предварительно развитых

³ В то же время нельзя не отметить, что приведенные в Обзорном докладе индикаторы преобразований в социальной сфере по сути обходят то, что касается процессов постсоциалистических политических преобразований. Скорее всего, это связано с самой моделью китайской модернизации, которая идеологически продолжает линию развития в рамках общей социалистической доктрины. Обернётся ли это в будущем серьёзными противоречиями и даже конфликтами, которые бывают следствием «подморозки» тех или иных социальных процессов с целью сохранения тактического баланса устойчивости общества в принципиально новых технологических условиях, или будет найден качественно новый вариант поддержания техно-гуманитарного баланса, покажет время.

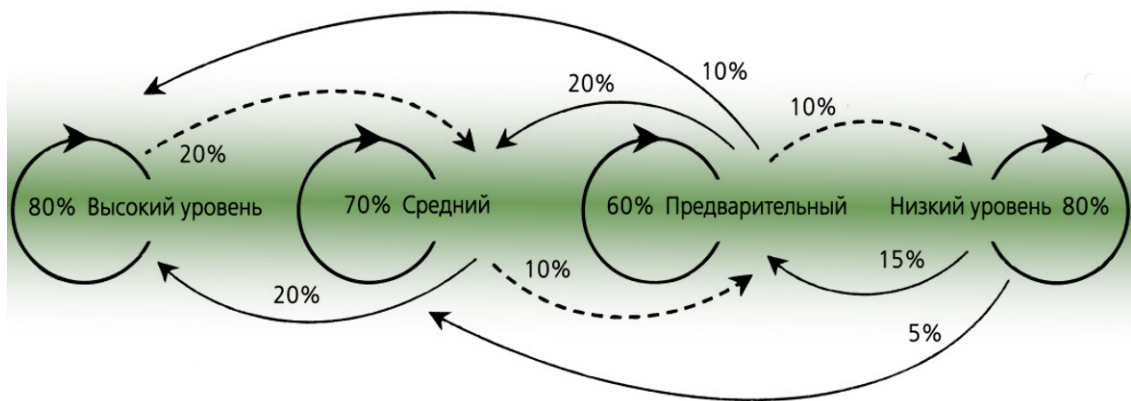

Рис. 1. Вероятность изменений уровней региональной модернизации

Источник: *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)* (2011) / Главный редактор Хэ Чуаньци. Отв. ред. Русского издания Н.И. Лапин. — М.: Весь мир. 2011. С. 109.

стран 60% сохранят свой статус, а из остальных 30% его повысят, причём 10% — до высокого уровня, а 10% — деградируют. Вероятность повышения статуса у отстающих регионов — не более 20%, при этом 5% из них могут добиться среднего уровня модернизации [Там же. С. 108].

От линейного подхода к исследованию трансформаций к плоскостному

Очевидно, что множество государств, находящихся в настоящее время на той или иной стадии социокультурной трансформации, предполагающей движение к современному обществу, соответствующему требованиям экономики знаний и открывающему широкие возможности для развития личности, предстают в большинстве современных исследований как проходящие процесс преобразований от авторитарных (и даже тоталитарных) моделей организации общественного устройства к демократическим его формам (сначала электоральной, а затем и либеральной демократии). В соответствии с этими представлениями сам процесс развития может быть представлен линейно как движение на этой воображаемой линии от одного её конца (авторитарного полюса) к другому (полюсу либеральной демократии) (см., например: [Diamond, 2002; Корнаи, 2000]). При этом находящиеся на разных этапах своего развития страны (и даже их отдельные регионы) в своём социокультурном «багаже» содержат элементы как унаследованные от одного (старого) «полюса», от которого они начали свой путь, так и в той или иной степени развитости элементы нового «полюса», к которому они стремятся. Такие режимы принято называть гибридными. Однако при всей наглядности такого линейного представления о социальном развитии подобные схемы не позволяют охватить множество нюансов и взаимосвязей процессов, разворачивающихся в странах, делающих попытки перейти от одного состояния к другому и находящихся на разных стадиях этого процесса.

С началом постсоциалистической трансформации исследователи зафиксировали устойчивую тенденцию к проявлению у граждан амбивалентного отношения к оценке тех или иных достаточно распространённых социальных практик: в одних случаях они осуждались, в других — признавались полезными и облегчающими взаимодействия, необходимые в бытовой или экономической сфере. Кроме того, люди, воспитанные советской практикой административно-командной системы, просуществовавшей у нас в стране почти вдвое дольше, чем в социалистических странах, появившихся после Второй мировой войны, органично вплетали привычные, укоренившиеся десятилетиями навыки существования в старой системе в новые практики постсоциалистической рыночной экономики.

А. Леденева, изучавшая эволюцию таких распространённых практик, как блат, не случайно начинает свою статью с цитаты из известного английского исследования: «Советская командная экономика обладала сильной внутренней логикой и своеобразным языком, что делало советскую систему не просто иной, но абсолютно инаковой цивилизацией. Её обычаи казались странными, но становились понятными в соответствующем контексте. Два поколения русских были взращены в той логике и том языке, на которых строилась и вся экономика. Вот почему так трудно преодолеть это наследие и построить нечто новое, работающее на новую цивилизацию» [Yergin, Gustavson, 1994. Pp. 113–114]. Проведённое Леденовой исследование подтверждает тезис о том, что укоренившиеся в сознании людей неформальные практики советского периода продолжают жить, поддерживаются привычные по прошлым временам моральные принципы, развитые в те времена формы двоемыслия. А. Безансон ещё в 1970-х гг., когда писал о коррупции в СССР, отмечал, что советский человек как бы делегировал на социальную сцену своего «двойника», сохраняя при этом скептическое отношение к официальным порядкам. Чиновник при этом не только исходил прежде всего из собственных интересов, но и становился циником и лицемером, ибо проповедуемая им мораль дважды фальшива — и потому, что она фальшива сама по себе, и потому, что он больше в неё не верил. А простой человек отвечал на эту дважды ложную мораль отказом от морали вообще, а на открытую коррупцию — коррупцией скрытой [Безансон, 1998]. «Двоемыслие» и двойные риторические регистры давали возможность сохранить приватность в условиях попыток власти сломать границы между индивидом и обществом.

И этот опыт вошёл в культурный набор постсоветского человека, так как повседневная жизнь и в этот период демонстрировала расхождение декларированных целей и реальной жизни [Левада, 2000]. При этом в повседневной практике происходит их сложное взаимодействие с новыми принципами, но это взаимодействие направлено, по сути, на обеспечение наиболее благоприятных условий для достижения целей выживания в новой ситуации. Однако в реальности «то, что было органично советской системе, только умножает проблемы постсоветского общества» [Леденева, 1997. С. 105].

Потому исследование современных процессов в постсоциалистических обществах ставит перед учёными особые задачи. Ведь, например, такое распространённое во всём мире явление, как коррупция, тут обретает особые черты — «это не ситуация (или транзакция), а её интерпретация с позиций правовой и этической перспективы. Сложившаяся в западной парадигме аналитическая “оптика” может быть не адекватна культурной и институциональной специфике общества, на которую она направлена» [Барсукова, Леденева, 2014. С. 121]. Поэтому исследование коррупции, как и других неформальных практик в постсоветском обществе, «предполагает подход “снизу вверх” для детального изучения с упором на дифференциацию их природы, функционального значения, способов легитимации и механизмов воспроизводства... Мы отдаём отчёт в том, что понятие “неформальные практики” — зонтичное, что даёт повод для критики по аналогии с понятием коррупции. Но для нас важен методологический сдвиг в результате анализа неформальных практик через понимание их с позиции инсайдеров» [Там же. С. 127–128].

Всё это создаёт у исследователя острую неудовлетворённость гибридными схемами движения от одного типа общества к другому, пренебрегающему многими нюансами⁴. Они усугубляются и в случаях, когда неудовлетворённость промежуточными результатами

⁴ Нельзя не отметить, что особую неудовлетворённость линейностью «гибридных» схем мы встречаем прежде всего у социологов, для которых привычно представление о пространстве не только в географическом, но и в исследовательском плане. Например, П. Сорокин ещё в 1927 г. выделял категории социального пространства и подчёркивал объёмный характер этого пространства. Идею социального пространства мы находим и у Э. Гидденса в его концепции структуризации общественных систем благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения во времени и пространстве. А у П. Бурдьё социальное пространство интерпретируется как взаимосвязь индивидов, представленная в многомерном измерении (см., например: [Сорокин, 1992; Гидденс, 2003; Бурдьё, 2007]).

реформ подталкивает власти к смене направления курса. Полтерович рисует картину последовательного построения «линейки» промежуточных институтов, направленных на то, чтобы на каждом из этапов развития институциональная система соответствовала социокультурным возможностям общества. Но в то же время крайне важно, чтобы выбранная цель развития в ходе длительного процесса не менялась, чтобы эта «линейка» в той или иной форме содержала в себе «эффективный финальный институт»⁵. «Промежуточный институт должен полностью или частично выполнять функции финального или способствовать ослаблению имеющихся ограничений, либо выполнять обе эти задачи» [Полтерович, 2012. С. 32, 42]. Анализируя итоги постсоциалистических преобразований, Полтерович отмечал успешность использования таких институтов лишь в Словении и Китае [Там же. С. 26–27].

Неудовлетворённость линейной схемой постсоциалистического развития, по сути скрывающей анализ нюансов, присущих такому развитию неформальных институтов, амбивалентности отношения общества ко многим неформальным практикам, послужила для Б. Мадьяра и Б. Мадловича толчком к пересмотру самого принципа линейности такого развития. Они предложили свою концептуальную схему постсоциалистического развития, превратив её в плоскостную. Этот методологический ход был с интересом воспринят учёными, погружёнными в исследования особенностей неформальных институтов и сопутствующих им ценностных установок, присущих самым разным слоям общества в период постсоциалистического транзита. Так, А. Леденева в предисловии к капитальной монографии Мадьяра и Мадловича, акцентируя внимание на важности перехода к плоскостной трактовке особенностей неформальных практик, играющих значительную роль в трактовке социальных связей в этих режимах, писала: «...гибридные режимы являются таковыми только с точки зрения стороннего наблюдателя, который предпочитает упаковывать ускользающую от понимания амбивалентность в обёртку гибридности... Но в представлении самих участников в этих режимах нет ничего гибридного. Есть явные и скрытые практики, сложное переплетение правил и норм, различные категории, описывающие столкновение интересов, однако единое понятие, ясно описывающее такой режим, всегда остаётся недостижимым» [Леденева, 2022. С. 13].

Б. Мадьяр и Б. Мадлович пытаются описать эту сложность, причём разворачивающуюся в динамике. Для этого пути постсоциалистической эволюции разных стран они поместили в некий равнобедренный треугольник, содержащий внутри разнообразные возможности и варианты путей развития (рис.2). Его вершины символизируют три наиболее явные, незамутнённые «полюса» социально-экономического состояния общества — *коммунистическую диктатуру* как слияние политики и экономики в единую бюрократическую патрональную сеть (здесь господствуют жёсткие формальные институты); *патрональную автократию*, т.е. режим с преобладанием однопирамидальной патрональной сети, подавляющей плюрализм и поддерживающей неограниченную власть верховного патрона (неформальные институты преобладают, а формальные могут корректироваться в соответствии с волей и интересами патрона); *либеральную демократию*, основанную на плюрализме политической власти и преобладании формальных институтов. Эти три «полюса» дополняются тремя промежуточными состояниями, которые в сконструированном Мадьяром и Мадловичем треугольном концептуальном пространстве представляются как стороны треугольника и символизируют: *консервативную автократию*, при которой патрональность охватывает политическую сферу, но не затрагивает экономическую (сторона треугольника между вершинами коммунистической диктатуры и либеральной демократии); *патрональную демократию*, основанную на плюралистической конкуренции

⁵ В этом смысле российская история содержит в себе не только зигзаги постсоциалистических преобразований, но и далеко не благоприятный исторический опыт попыток модернизации: «Становление русского общества... представляло собой *противоречивый социокультурный процесс*, который включал не только противоречия структуры, но и смену векторов эволюции» [Лапин, 2016. С. 30].

разных патрон-клиентских сетей, в которой значительную роль играют неформальные институты (сторона треугольника между патрональной автократией и либеральной демократией); *диктатуру с использованием рынка* (сторона треугольника между вершинами коммунистической диктатуры и патрональной автократии с комбинацией формальных и неформальных институтов) [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 545–554].

Рис. 2. Концептуальное пространство постсоциалистических режимов с 6 идеальными типами и 12 примерами расположения в нём стран (по состоянию на 2019 г.)

Источник: Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*. Т. 1. — М.: Новое литературное обозрение. С. 48.

Венгерские учёные поместили в выстроенном ими треугольном пространстве более десяти исследуемых постсоциалистических стран. Подавляющее их большинство концентрируется вдоль стороны, обозначенной как «патрональная демократия», в той или иной близости как к самой этой стороне, так и к ограничивающим её вершинам треугольника — «либеральной демократии» и «патрональной автократии». В пространстве треугольника выделены и сферы господства формальных институтов (область между «либеральной демократией», «консервативной автократией» и «коммунистической диктатурой»), полужформальных институтов (между центральными частями сторон «патрональной демократии» и «диктатуры с использованием рынка») и с превалированием неформальных институтов (тяготеющая к вершине треугольника «патрональной автократии») [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 557].

Были также смоделированы траектории движения разных стран в обозначенном треугольнике, происходившие в процессе трансформации, начиная с времён господства в них социалистической системы и кончая серединой 2010-х гг. Будучи графически представлены в рамках концептуального треугольника, эти траектории демонстрируют, сколь труден, противоречив и отнюдь не прямолинеен был путь каждой страны на исследуемом отрезке времени. Это позволяет предположить, как много зигзагов, помимо уже совершённых, впоследствии могут ждать каждую из постсоциалистических стран на дальнейшем пути её развития [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 569–643].

Обращает на себя внимание то, что все фиксируемые в предложенном концептуальном пространстве зигзаги и даже «режимные петли», совершаемые той или иной страной в ходе её постсоциалистических преобразований, связаны прежде всего с событиями, затрагивающими самую суть её государственного устройства. Нельзя забывать и то, что все эти события отражаются на судьбах людей, оказавшихся в их водовороте. И они несут

для этих людей не только положительные изменения, но очень часто серьёзные разочарования, потерю ранее достойного материального положения, а также социального статуса.

В то же время стремление выйти за рамки линейного описания процессов социально-экономической эволюции стран с самыми разными режимами как политического устройства, так и систем социально-экономического развития, очевидно, распространяется далеко за пределы сферы постсоциалистической трансформации. Примером тому может служить картина эволюции, предложенная Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном в одном из их популярных бестселлеров «Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы» [Аджемоглу, Робинсон, 2021]. Книга эта, как и другие научно-популярные книги нобелевских лауреатов 2024 г., как мне представляется, написана именно с целью просвещения масс (да и многих представителей властных и невластных элит) и отражает стремление авторов дать им серьёзные аргументы для возрождения подлинно демократического движения, развития структур гражданского общества на новом этапе социально-экономического развития. При этом научно-популярное творчество данных авторов опирается на большой базис экономических работ последних трёх десятилетий⁶. И такой взгляд позволил Аджемоглу и Робинсону по-новому взглянуть на государство-Левиафан, прочно утвердившегося в сознании многих людей со времён Т. Гоббса. Они отметили два ошибочных, с их точки зрения, положения, лежащих в основе концепции Гоббса. Одно заключалось в том, что его Левиафан однолик. Между тем само разнообразие государственных структур показывает, что он не только двулик, как Янус, но даже многолик [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 38].

Другое ошибочное положение Гоббса Аджемоглу и Робинсон усмотрели в том, что для обществ, где Левиафан отсутствует, важно не только неконтролируемое насилие всех против всех, но и то, что для поддержания порядка в них существенную роль играют внесоциальные нормы («клетка норм»), защищающие «жёсткие границы общественных ожиданий» и устанавливающие «неравноправные социальные отношения, которые выливаются в иную, чем при деспотизме Левиафана, но не менее тяжёлую форму доминирования» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 47].

В результате в предложенной ими конструкции появились два Левиафана — Деспотический с монополией на насилие государства и Отсутствующий, поддерживаемый не менее жёсткой «клеткой норм». В то же время учитывая, что сам ход общественного развития, рост образованности и общей культуры граждан, появление различных форм влиятельных внесоциальных сообществ одновременно становятся и стимулами к появлению разного рода низовых движений, направленных на ограничение всевластия двух первых Левиафанов. В результате Аджемоглу и Робинсон выявили ещё одного, нового, Левиафана — Обузданного. Он трактуется как социальное образование, в котором действует система взаимных сдержек и противовесов, не позволяющая достичь подавляющего доминирования ни одной из двух взаимодействующих сил — государству как совокупности властных и политических институтов, с одной стороны, и обществу как самоорганизующейся системе независимых экономически гражданских организаций разного типа (и образовательных, и культурных, и религиозных, и волонтерских, и др.) — с другой. В рамках такого Левиафана создаётся возможность для достижения баланса (пусть часто и относительного) самых разных интересов, сочетания в его сложной конструкции и вертикальных, и горизонтальных связей, пронизывающих всю систему. При этом, подчёркивают Аджемоглу и Робинсон, успех в достижении такого баланса возможен только тогда, когда обе стороны процесса достаточно сильны, чтобы не позволять контрагенту занять монопольную позицию лидерства и чтобы принципом развития было постоянное поддержание

⁶ Эти авторы видят ключевой фактор развития общества именно в низовом демократическом давлении масс на элиты. Отсюда и их давняя полемика с Д. Нортгом, делающим со своими коллегами упор на изменения в возможностях и интересах элит, которые толкают их к изменению формальных институтов, к переходу к «порядкам открытого доступа» (см.: [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 263–264])

консенсуса между ними: «Нам необходимо государство, которое способно обеспечивать исполнение законов, контролировать насилие, разрешать конфликты и предоставлять общественные услуги — но при этом усмирённое, находящееся под контролем уверенного в своих силах и хорошо организованного общества» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 47]. Аджемоглу и Робинсон также подчёркивают: не только само достижение состояния Обузданного Левиафана — сложный процесс борьбы двух указанных сил (причём удалось достигнуть этого состояния немногим). Не менее сложно удержаться в таком состоянии в ходе эволюционного развития, чреватого различными катаклизмами, способными разрушить хрупкий баланс между властно-политическими и общественными компонентами. И, как показывает история социально-экономического развития наиболее успешных стран, их успех во многом связан с умением поддержания баланса между ведущими противоборствующими силами — властно-политическими и общественными. Поэтому, как отмечает Дж. Мокир, «представляется естественным рассматривать стабильное состояние как эволюционный процесс», который можно трактовать и как «синоним “постепенного и непрерывного процесса”», и как специфическую динамическую модель, в которой «решающую роль играют мутации и отбор» [Мокир, 2014. С. 426].

В результате Аджемоглу и Робинсон графически изобразили процесс эволюции в силовом поле двух основных противоборствующих субъектов — государства и общества как систему, в которой ось абсцисс символизирует изменения в силе общества, а ось ординат — изменения в силе государства. В этом пространстве основную часть занимают Деспотический и Отсутствующий Левиафаны, тяготеющие к соответствующим осям. Но между ними оказывается достаточно узкое пространство, отведённое Обузданному Левиафану. И эволюции различных государств, как показывается на разных схемах (см., например: [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 370, 399]), могут приводить к разным результатам — как к вхождению в «узкий коридор» (или провалу этих попыток), так и к выходу из него.

По сути, схема, предложенная Аджемоглу и Робинсоном, — один из примеров выхода современных экономических и политологических исследований за пределы линейной схемы эволюции так называемых гибридных режимов. Нарисованная ими картина трёх Левиафанов — Деспотического, Отсутствующего и Обузданного, занявшего «узкий коридор», представляется логичной и даже красивой (рис.3). А, как известно, красота часто свидетельствует о точности теории. Однако в ходе своего дальнейшего анализа учёные обнаружили еще одного Левиафана — четвёртого, названного ими Бумажным.

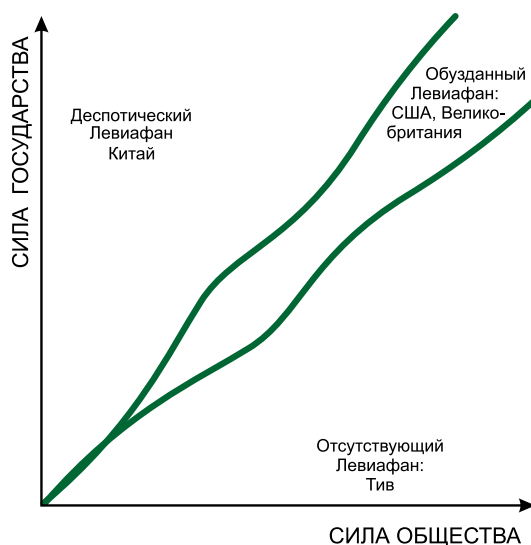

Рис.3 Три Левиафана Д.Аджемоглу и Дж.Робинсона.

Источник: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор: Государства, общества и судьба свободы. — М.: АСТ. С. 104.

От трёх «полюсов» к четырём

Появление четвёртого Левиафана усложняет картину, ранее концентрировавшуюся на трёх возможных «полюсах» хода эволюции. Новый, Бумажный, Левиафан характеризуется ситуацией ослабления сил как государства, так и общества. Такие Левиафаны «имеют облик государства и способны применять власть... Но эта власть пуста; она непоследовательна и дезорганизована во многих сферах и почти полностью отсутствует в отдалённых районах страны, которой государства должны управлять» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 471–472]. По сути, Бумажный Левиафан — это Левиафан, в котором так и не построено настоящее государство с чёткой системой законов и правоприменения, принципов поведения, понятных всем и обязательных для всех, а не реализуемых в зависимости от тех или иных обстоятельств и корректируемых в интересах тех или иных властных кланов в зависимости от конкретной ситуации. Деспотизм, присущий такому Левиафану, как подчёркивают Аджемоглу и Робертсон, не системен, а дезорганизован и хаотичен. Но и общество в нём столь же дезорганизовано, и действия его столь же хаотичны, потому что здесь нет развитых навыков самоорганизации и соответствующих структур. Причём всё это очень плохо для граждан, так как такому Левиафану свойственно пренебрежение чётким выполнением важнейших государственных функций — гаранта исполнения законов, беспристрастного третейского судьи при разрешении спорных вопросов, поставщика важнейших общественных услуг.

Такого рода Бумажные Левиафаны достаточно распространены на различных континентах Земли — и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке. Но встаёт вопрос: где их место в схематической картине, нарисованной Аджемоглу и Робинсоном? Они предлагают поместить его в нижнем левом углу своей схемы как символ слабости и общества, и государства, но всё же со стороны Деспотического Левиафана, что, по их мнению, обусловлено страхом властных элит перед мобилизацией общества. Они в таком случае «уже не смогут контролировать политику по своему усмотрению» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 501].

Разумеется, предложенное размещение четвёртого Левиафана в схеме «узкого коридора» возможно. Но при этом нельзя не видеть, что в результате разрушается её гармоничность, стройность, теряется та красота, которой отличалась схема с тремя Левиафанами. К тому же возникает вопрос о том, что в результате эволюции происходило с «клеткой норм» — символом поддержания порядка в условиях Отсутствующего Левиафана. Не совсем понятно, каким образом находящееся в описываемой «клетке» общество пусть и в ходе длительного развития смогло преобразоваться до такой степени, что оказалось способным вначале создать некие протогосударственные институты, которые привели его в итоге к состоянию Деспотического Левиафана, а затем и выступить его достойным оппонентом и преобразовать его в Левиафана Обузданного. Возможно, анализ был бы более точен, если бы авторы отошли от принятой ими метафоры «клетки норм» и использовали бы более распространённое в институциональном анализе разделение институтов на формальные и неформальные (ведь и нормы, и правила, действующие в обществе, — это также институты), но тогда пришлось бы усложнить предложенную ими ранее институциональную конструкцию деления институтов на экстрактивные и инклюзивные, по сути выделив в этих двух типах институтов такие, которые действуют либо на формальной, либо на неформальной основе.

Кроме того, схема Аджемоглу и Робинсона, прежде всего там, где речь идёт об Отсутствующем Левиафане, предполагает включение в анализ тех сообществ, культурные особенности которых блокировали или тормозили формирование зачатков государственных структур (например, упоминаемый ими народ Тив) или приводили к складыванию образований, включающих и специфические протогосударственные черты, и элементы демократических (но не либеральных) практик [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 349–356].

Но это значит, что в общей схеме переплетаются народы с *разными типами сознания*. Это должно накладывать свой отпечаток на особенности не только действующих в них формальных и неформальных институтов, но и особо выделяемых этими авторами в своих исследованиях типы экстрактивных и инклюзивных институтов.

Всё это заставляет задуматься: а верно ли очерчено само пространство действия четырёх Левиафанов? Не требует ли оно пересмотра и корректировки? И насколько совместима схема Аджемоглу и Робинсона с иными схемами пространственного представления поля социально-политического пространства, например с упомянутой схемой Мадьяра и Мадловича?

Вариант наложения друг на друга этих схем был предложен в [Плискевич, 2025]. Так как схема Мадьяра и Мадловича представляет собой треугольник, то, естественно, в неё вписались только три Левиафана. И поскольку у венгерских учёных речь идёт о концептуальном пространстве именно посткоммунистических режимов, что предполагает наличие в них государствообразующих элементов, то «выпавшим» оказался Отсутствующий Левиафан. Места Деспотического и Обузданного Левиафанов достаточно органично совпали с вершинами треугольного пространства, характеризуемыми Мадьяром и Мадловичем как «коммунистическая диктатура» и «либеральная демократия». В то же время те свойства, которыми характеризуется Бумажный Левиафан, во многом совпадают с чертами «патрональной автократии» — третьей вершины треугольника. Описываемые Мадьяром и Мадловичем черты данного режима свидетельствуют о том, что в нём достаточно слабы формальные институты, которые, собственно, и должны свидетельствовать о силе подлинного государства. Точнее, действующие в нём формальные институты при вербально декларируемом их служении обществу *de facto* постоянно искажаются в интересах властвующей группировки. Регулярно деятельность этих институтов подкрепляется официальным принятием законодательных актов, направленных на упрочение позиций этой группировки и ослабление возможностей оппонирования ей со стороны гражданского общества. Это ослабляет и без того слабые институты гражданского общества, блокирует возможности его развития.

Свойства Бумажного Левиафана по сути противоположны качествам классических автократий, вписывающихся в картину Деспотического Левиафана, прежде всего потому, что «это в корне неформальная политическая система», где правящая партия — всего лишь «приводной ремень» неформальной патрональной сети. Для этого режима характерны реляционная экономика «с реляционным перераспределением рынка, дискреционное вмешательство и хищничество в пользу полигархов, олигархов и подставных лиц, каждый из которых встроен в неформальную патрональную сеть». При формальном сохранении в патрональной автократии демократического фасада и использовании популизма для легитимации неограниченного господства правящая элита формирует государство, «которое сочетает в себе черты кланового, неопатримониального/неосултанистского, хищнического и криминального государств» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 551–552].

Столь же неформальный характер присущ и общественным связям в рамках патрональной автократии, что свидетельствует не только о слабости общества, но и о преградах, встающих на пути его самоорганизации. В нём формируется то, что Мадьяр и Мадлович называют «клиентарным обществом», где «клиентарность обозначает не просто патронально-клиентарные отношения. Клиенты — это базовый тип социальной группы, которую можно использовать для анализа социальной иерархии патрональных автократий» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 394]. Причём Мадьяр и Мадлович подчёркивают, что само введение ими в анализ понятия «клиенты» — свидетельство рыхлости, неформальности общественных связей, ведущей к неартикулированности концепций многих из них [Там же. С. 395].

В то же время бросается в глаза, что венгерские учёные, по сути, ограничили круг своего исследования европейскими постсоциалистическими странами. Хотя они и

упоминают Китай как пример диктатуры с использованием рынка, но в их анализ не включены страны Азии или Африки, некогда либо провозгласившие у себя переход к социализму, либо объявлявшие себя социалистическими, но затем отказавшиеся от этого выбора или придерживающиеся его чисто формально. Это также провоцирует вопрос: всё ли учтено в треугольной схеме Мадьяра и Мадловича?

При этом роль догосударственных норм и правил в процессе становления государства различается в зависимости от самого хода исторического процесса, включая возможности как заимствования тех или иных институтов у соседей, так и от размеров различных государственных образований. По сути, государство представляет собой систему институтов, возникающую тогда, когда потребности общества, связанные и с процессом его развития, и с отражением разных внешних угроз, выходят за рамки возможностей локальных миров, необходимых для функционирования более обширного объединения. Формируется Большое общество с целью интеграции входящих в него локальных образований, преодоления угроз его целостности, предотвращения внутренних конфликтов, грозящих всеобщей дезорганизацией. Потребность в нём «возникает как побочный результат стремления людей к объединению, существенно выходящему за рамки локальных миров» [Ахиезер, 1998. С. 127]. Это происходит, когда есть потребность в объединении в масштабах, выходящих «за рамки возможностей положить в основу воспроизводства связей целостности эмоциональные и личные отношения, кровнородственные связи» [Там же. С. 88]. В основе таких процессов лежит выработка специфических для каждой страны, связанных с её культурой социальных интеграторов, несущих ценности объединения огромных масс людей, лично не знающих друг друга.

Такое состояние общества ведёт к постоянному изменению культурной основы его интеграции. На место свойственных локальным мирам патерналистских отношений властителя и подданных постепенно на передний план выходит постоянный диалог личности и общества, объединений личностей и государственных структур. Начинает формироваться гражданское общество как система объединений личностей, ответственных за судьбу общества в целом, способная формировать и поддерживать специализированные институты, направленные на его защиту и развитие. При этом сложность и разнообразие задач, стоящих перед таким сообществом, диктует необходимость выделения в нём трёх крупных сфер социального действия — властно-политической, экономической и общественной. Это фиксируется и в действующих в нём неформальных правилах: за исключением каких-то экстренных форс-мажорных ситуаций для акторов политической сферы нежелательно вторжение в сферу экономическую, и наоборот, а общественная жизнь, скажем, муниципальные образования, объединения по интересам, да и просто частная жизнь граждан, также не должна оказываться под непосредственным воздействием акторов политической или экономической сфер, разумеется, за исключением случаев нарушения закона. На этом факторе необходимости в современном развитом обществе разграничения трёх сфер социального действия акцентируют внимание Мадьяр и Мадлович. В то же время, если потребности в объединении огромных масс людей на значительной территории развиваются на, по сути, неадекватной задачам такого объединения культурной базе, то происходит формирование государства на основе экстраполяции на него принципов, характерных для локальных миров.

Возникающее при этом противоречие между необходимостью построения институциональной системы, соответствующей современному уровню социально-экономического развития, и неспособностью адекватно воспринять эти институты, было отмечено ещё при анализе попыток постколониальных преобразований середины XX в. Стремление к «адаптации» новых институциональных форм к привычным и для элит, и для масс представлениям и соответствующему поведению в итоге приводило к краху «относительно дифференцированной и осовремененной институциональной основы, замене её более

примитивными институтами или вступлением страны в порочный круг провалов и срывов, зачастую ведущий за собой институциональную стагнацию и неустойчивость, а также системную утрату вбирать в себя новые веяния» [Эйзенштадт, 2010. С. 46].

Но не будем забывать, что к таким результатам приводила именно деятельность конкретных людей, нередко искренне заинтересованных в качественном изменении ситуации в своей стране. Однако что-то, заключённое в специфике их мышления, в способности (или неспособности) осознать весь объём необходимых преобразований, важность не только чисто инструментальных мер, с очевидностью выступающих на поверхности, но и органично связанных с ними новых норм, правил, ценностей, мешало комплексному восприятию всей сложной совокупности социальных структур, сформированных в странах-образцах и необходимых для успешного функционирования связанных с ними технологических и институциональных достижений.

Сложившееся в таких странах господствующее сознание, присущее не только массам, но и значительному числу представителей элит, вставало на пути комплексного восприятия нового. И решающую роль тут «играла не столько жизнеспособность новых символов, сколько тот факт, что новые символы не были втянуты в оформлявшую молодую государственность более широкую символическую рамку, ориентированную на сложные и разнообразные проблемы... Центр формирующейся государственности не мог предложить никакой новой идеологической, ценностной, символической системы, которая помогла бы осмыслению новой социальной реальности и преодолению проблем, с нею связанных» [Эйзенштадт, 2010. С. 55]. По сути, тут во многих случаях мы сталкиваемся с особым типом общественного сознания, отличным от того, что характерно для европейских постсоциалистических государств, анализируемых Мадьяром и Мадловичем.

Отсюда, представляется, и сужение ими поля своего анализа. В этой группе стран идеология строительства социализма / коммунизма накладывалась на иной тип сознания, нежели тот, который характерен для стран, находящихся в центре их исследования. Собственно, и сами они отмечают различия в социальных системах разных постсоциалистических стран. Они проистекают из особенностей сложившихся ещё в досоциалистический период их развития и сказавшихся на важнейшей, по мнению венгерских учёных, черте современных развитых сообществ. Это разделение трёх сфер социального действия — политической, экономической и общественной. Отсутствие такого разделения было типичным для ранних этапов развития всех народов, но наиболее развитые из них сумели первыми его преодолеть. Принятие же коммунистической идеологии законсервировало или даже развернуло вспять этот процесс.

Мадьяр и Мадлович специально акцентируют внимание на важности того, что коммунистический режим воздействовал на уровень и характер разделения сфер социального действия во всех затронутых социалистическим строительством странах: «...“колпак” коммунизма “повернул вспять” разделение сфер социального действия в западно-христианском историческом регионе и полностью остановил этот процесс в православном регионе. В Китае и исламском историческом регионе установление коммунистических диктатур означало, что отсутствие разделения сфер приобрело новые формы» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т.1. С. 111–112].

Таким образом, в треугольную концептуальную схему Мадьяра и Мадловича не вошли страны, где такое разделение сфер ещё не начиналось или находилось в зачаточном состоянии. В то же время и Аджемоглу и Робинсон, говоря об Отсутствующем Левиафане, имеют в виду прежде всего такие образования. Получается, что треугольник Мадьяра и Мадловича для описания полной картины следует достроить до четырехугольника. В этот четырехугольник должны войти и фактически описанные, но нечётко отражённые в плоскостных схемах Аджемоглу и Робинсона четыре варианта соотношений общества и государства: а) сильное государство и слабое общество (Деспотический Левиафан);

б) сильное общество и слабое государство или протогосударство (Отсутствующий Левиафан); в) сильное государство и сильное общество (Обузванный Левиафан); г) слабое государство и слабое общество (Бумажный Левиафан).

Эти четыре варианта можно трактовать как четыре «полюса» концептуального пространства, к которым стремятся разные социальные объекты–сообщества–страны, характеризующиеся либо максимальными, либо минимальными силами или государственным, или общественным воздействием. И в зависимости от того, насколько исследуемый объект приближается к одному из полюсов — одному из Левиафанов (по Аджемоглу и Робинсону) или концептуальному полюсу (по Мадьяру и Мадловичу), можно судить об основных его чертах. При этом само пространство весьма обширно и даёт возможности для самых разных вариантов эволюционного развития, в том числе и для массы зигзагов на пути к принятой им цели развития. И среди вариантов вполне допустимы не только пути прогрессивного развития (даже отнюдь не прямые), но и дороги к регрессу, трактуемые так многими из окружающих, но по каким-то причинам принятые ступившими на этот путь сообществами как прогресс.

Но, преобразовав треугольное пространство в четырехугольное, *de facto* мы получили ещё один треугольник, центральной вершиной которого оказывается Отсутствующий Левиафан, т.е. сообщества, социальные регуляции в которых основываются на принципах, присущих традиционным обществам (либо догосударственным, либо перешедшим к стадии протогосударства) с их специфическими нормами и ценностями («клеткой норм» по Аджемоглу и Робинсону). В то же время, по аналогии с конструкцией Мадьяра и Мадловича, можно предположить, что пути эволюции тех сообществ, которые оказались у нас в новом треугольном пространстве, с присущими им особенностями путей продвижения к подлинно государственным образованиям либо откатами назад на этом пути, должны отражать траектории своего движения в предложенном пространстве.

Однако известно, что попытки внедрения в такие сообщества институтов, присущих странам, находящимся на иной стадии социально-экономического развития, встречали их отторжение либо существенное искажение. Люди перерабатывали их в соответствии со своими привычными представлениями о должных социальных связях, вытекающими из особенностей их сознания. А другие представления людей о должном лежат в основе особенностей норм и ценностей представителей тех стран, что в той или иной степени уже прошли соответствующие пути эволюции и вписываются в пространство того треугольника, который построили Мадьяр и Мадлович.

Поэтому само выстраивание концептуального пространства, включающее выделенные четыре полюса, должно учитывать не только присущие тем или иным социальным устройствам формальные и неформальные институты, вариации их притяжения к разным полюсам, но и типичные для них особенности массового общественного сознания. А.С. Ахиезер, рассматривая процессы исторического развития России на разных его этапах, неоднократно говорил и писал о том, что ключ к переходу от экстенсивной к интенсивной форме российского развития зависит не от инвестиций. Для такого перехода мы *должны научиться мыслить по-другому*. Причину недостаточной способности России своевременно переходить к интенсивным формам хозяйствования, вырабатывать соответствующие программы и решения, по его мнению, нужно искать «в сфере всё той же способности (неспособности) субъекта развивать свои способности, в сфере возможности выходить за рамки сложившейся культуры, смыслов, методов, конкретизировать сложившуюся человеческую реальность, идти по пути возвышения абстракций, замещения насилия диалогом» [Ахиезер, 2008. С. 331]. А Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы в своей концепции экономической синергетики первостепенное внимание в развитии темы экономического роста уделяли проблемам качественного изменения самого мышления человека, превращения человека из объекта в субъект экономического процесса, обозначив эту тему как изменение

ментальности. Не случайно в своей серии книг об экономической синергетике одну из них они специально посвятили новым граням ментальности. В её заключении, где обосновывается понимание ментальности как эндогенного фактора экономики, Евстигнеевы писали, что ментальность «становится важнейшей экономической категорией, определяющей уровень и состав социальной энергетики развития и экономического роста. Но важно не упустить из виду и другую функцию ментальности. Она — не только носитель социального тонуса, но и важнейший фактор социальной (а значит, и экономической, и политической) стабильности в обществе. Причём речь идёт о стратегической устойчивости общества, закреплённой в национальном характере и связанном с ним внутренним, сугубо индивидуальным духовном миром человека» [Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 179]⁷.

А так как в данном случае нас интересует обоснованность помещения в концептуальное пространство институциональных изменений Отсутствующего Левиафана (равно как и упущенных в анализе Мадьяра–Мадловича стран Азии и Африки, в той или иной степени принявших путь социалистического развития во второй половине XX в.), то прежде всего необходимо очертить основные особенности сознания людей, как заключённых в описываемую Аджемоглу и Робинсоном «клетку норм», так и находящихся на той или иной стадии эволюции, ведущей к рационализации этого сознания и переходу от протогосударственных к государственным формам конструирования институтов, а также от форм организации общества, характерных для локальных миров или образований, близких к ним, к формам организации гражданского общества, к гражданам-субъектам, осознающим ответственность за свою судьбу и судьбу всего Большого общества, к которому они принадлежат.

Поэтому естественно предположение, что основные черты сознания, близкого к полюсу Отсутствующего Левиафана, раскрывались исследователями как древних культур, так и современных народов, принадлежащих к тем локальным мирам, эволюция которых по тем или иным причинам была заторможена или проходила в специфических условиях. Такое сознание обычно называется мифологическим. И его анализ во взаимосвязи с особенностями институционального развития сообществ, которые можно отнести к выделенному новому треугольнику в предполагаемой четырехугольной схеме концептуальной структуры социально-экономической эволюции разных сообществ, требует специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). *Узкий коридор: Государства, общества и судьба свободы*. — М.: АСТ.
- Алесина А., Джулиано П. (2016). Культура и институты. Ч. I // *Вопросы экономики*. № 10. С. 82–111.
- Ахиезер А.С. (1998). *Россия: критика исторического опыта: в 2 т. Т. 2. Теория и методология: Словарь*. — Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Ахиезер А.С. (2008). Российское государство между насилием и диалогом // Ахиезер А.С. (2008). *Труды*. Т. 2. С. 287–363.
- Барсукова С., Леденева А. (2014). От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров // *Вопросы экономики*. № 2. С. 118–132.
- Безансон А. (1998). *Советское настоящее и русское прошлое*. — М.: МИК.
- Бурдые П. (2007). *Социология социального пространства*. — СПб.: Алетейя.
- Гидденс Э. (2003). *Устроение общества. Очерк теории структуризации*. — М.: Академический проект.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2011). *Новые грани ментальности. Синергетический подход*. — М.: URSS.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. — М.: Новое издательство.

⁷ А.В.Л. Тамбовцев, анализируя различные теории эволюции экономических объектов, отмечал, что важным методологическим недостатком целых направлений был «отказ считать *индивидов* действующими акторами изменений, происходящих в экономике» [Тамбовцев, 2024. С. 17]. По сути, речь здесь идет о важности признания *субъектности* акторов экономических процессов. То же можно сказать о процессах и политических, и гражданских.

- Корнаи Я. (2022). *Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма*. — М.: ООО «Вопросы экономики».
- Лапин Н.И. (2016). Модернизация в мире и России // *Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы* / Сост. отв. ред. Н.И.Лапин. — М.: Весь мир.
- Левада Ю. А. (2000). Homo Post-Soveticus // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 5–24.
- Леденева А.В. (1997). Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блага в постсоветском обществе // *Мир России*. № 2. С. 89–106.
- Леденева А. (2022). Предисловие // *Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*: В 2 т. Т. 1. — М.: Новое литературное обозрение. С. 9–18.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*: В 2 т. — М.: Новое литературное обозрение.
- Мизес Л. фон (2024). *Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории*. — М.: Челябинск: Социум.
- Мокир Дж. (2014). *Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Назаретян А.П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании*. — М.: Аргатак-Медиа.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010).(2011). / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. русского изд. Н.И. Лапин. — М.: Весь мир.
- Плискевич Н.М. (2025). Специфика российских институтов и патернализм государства (Часть 2. Эволюция патерналистского государства) // *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 22–39. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39.
- Полтерович В.М. (2007). *Элементы теории реформ*. — М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2012). Проектирование реформ: как искать промежуточные институты // *Montenegrin journal of economics*. Vol. 8. No. 2. Pp. 25–44. mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/liles/25_44_Polterovich.pdf (дата обращения: 4.03.2026).
- Сорокин П. (1992). Социальная и культурная мобильность // *Человек. Цивилизация. Общество*. — М.: Политиздат. С. 297–424.
- Тамбовцев В.Л. (2024). Что в экономике эволюционирует? // *Вопросы экономики*. № 4. С. 5–23.
- Хайек Ф. фон (2024). *Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. — М.: Челябинск: Социум.
- Эйзенштадт Ш. (2010). Срывы модернизации // *Неприкосновенный запас*. № 6. С. 42–63.
- Diamond L. (2002). Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. No. 2. Pp. 21–35.
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.
- Yergin D., Gustavson T. (1994). *Russia 2010*. — London: Nicholas Breadley Publishing.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2021). *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. — М.: AST. (In Russ.).
- Akhiezer A.S. (1998) *Russia: Critique of Historical Experience*. Vol. 2: *Theory and Methodology*. Dictionary. — Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).
- Akhiezer A.S. (2008). The Russian State between Violence and Dialogue // *Akhiezer A.S. (2008). Works*. Vol. 2. Pp. 287–363. (In Russ.).
- Alesina A., Guliano P. (2016). Culture and Institutions. Part I // *Voprosy ekonomiki*. No. 10. Pp. 82–111. (In Russ.).
- Barsukova S., Ledeneva A. (2014). From the Global Corruption Paradigm to the Study of Informal Practices: Outsiders vs. Insiders // *Voprosy ekonomiki*. No. 2. Pp. 118–132. (In Russ.).
- Besançon A. (1998). *Present soviétique et passé russe*. — М.: МИК. (In Russ.).
- Bourdieu P. (2007). *Sociology of social space*. — SPb.: Aletheia. (In Russ.).
- China modernization report outlook (2001–2010)* (2011) / Chuanqi He editor-in-chief. — М.: Ves' mir. (In Russ.).
- Diamond L. (2002). Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. No. 2. Pp. 21–35.
- Eisenstadt S. (2010). Failures of modernization // *Neprikosnovennyy zapas*. No. 6. Pp. 42–63. (In Russ.).
- Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2011). *New Facets of Mentality: Synergistic Approach*. — М.: URSS. (In Russ.).
- Giddens E. (2003). *The structure of society. Essay on the theory of structuration*. — М.: Academic project. (In Russ.).
- Hayek F. von (2024). *Law, legislation and liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy*. — М.: Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.

- Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. — М.: Novoye izdatel'stvo. (In Russ.).
- Kornai J. (2002). *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. — М.: ООО «Voprosy economici». (In Russ.).
- Lapin N.I. (2016). Modernization in the World and Russia // *Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems* / Compiler and editor-in-chief N.I. Lapin. — М.: Ves' mir. (In Russ.).
- Ledeneva A.V. (1997). Personal connections and informal communities: the transformation of blat in post-Soviet society // *Mir Rossii*. No. 2. Pp. 89–106. (In Russ.).
- Ledeneva A. (2022). Preface // *Magyr B, Madlovics. The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework*. In 2 vols. Vol. 1. Pp. 9–18. — М.: Novoe literatupnoe obozrenie. (In Russ.).
- Levada Y.A. (2000). Homo Post-Soveticus // *Obshestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 6. Pp. 5–24. (In Russ.).
- Magyr B., Madlovics B. (2022). *The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework*: In 2 vols. — М.: Novoe literatupnoe obozrenie. (In Russ.).
- Mises L. von (2024). *Human action. A treatise on economics*. — М.: Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- Mokyr J. (2014). *Nhe Lever of Riches/ Nechnological Creativity and Economic Progress*. — М.: Institut Gaydara. (In Russ.).
- Nazaretyan A. P. (2017). *Non-linear Future. Megahistory, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in Global Forecasting*. — М.: Argamak-Media. (In Russ.).
- North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*. — М.: Izd. Dom HSE. (In Russ.).
- North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history*. — М.: Institut Gaydara. (In Russ.).
- Pliskevich N. (2025). The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism (Part 2. Evolution of the Paternalistic State) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 22–39. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39 (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2007). *Elements of the theory of reforms*. — М.: Ekonomika. (In Russ.).
- Polterovich V. (2012). Reform dasign: to search for interim institutions // *Montenegrin journal of economics*. Vol. 8. No. 2. Pp. 25–44. mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/liles/25_44_Polterovich.pdf (In Russ.) (access date: 4.03.2026). (In Russ.).
- Sorokin P. (1992). Social and cultural mobility // *Man. Civilization. Society*. — М.: Politizdat. Pp. 297–424. (In Russ.).
- Tambovtsev V.L. (2024). What is evolving in an economy? // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 5–23. (In Russ.).
- Yergin D., Gustavson T. (1994). *Russia 2010*. — L.: Nicholas Breadley Publishing.

Плискевич Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0003-0860-6229

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

senior researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

ORCID: 0000-0003-0860-6229

znplis@yandex.ru

CONCEPTUAL SPACE FOR RESEARCHING OF THE TRANSFORMATION PROCESSES

Abstract. This article devotes the problem of expanding the conceptual space of transformation processes in the current context of socioeconomic turbulence felt worldwide. Two sources of this turbulence are identified. First, a new surge in scientific and technological progress has disrupted the law of techno-humanitarian balance, which stipulates that the sustainable development of society requires a correspondence between the level of cultural and psychological regulation of social relations and the state of technological potential. The second source of turbulence is the ongoing process of post-socialist transformation in many countries. An explanation for these processes does not fit into the linear frameworks of hybrid regimes. Acemoglu / Robinson, on the one hand, and Magyar / Madlovic, on the other, have proposed two-dimensional frameworks for analyzing conceptual spaces. However, Magyar / Madlovic's triangular framework is limited to the area of European post-socialist countries, and one of Acemoglu / Robinson's Leviathans does not fit into their framework adequately. The article proposes a quadrangular framework for the space of transformation processes, which also includes room for development options missed in triangular frameworks.

Keywords: *techno-humanitarian balance, transformation processes, institutional system, post-socialist development, modern state.*

JEL: A10, A12, A13, B15, B52.